

А.Н. Бурмейстер
Гренобльский университет, Франция

Новый антиолигархический дискурс в России*

Односторонний дискурс, чудовищный альянс между истиной и ложью, не являющийся ни истиной, ни ложью, — всего лишь обманчивая иллюзия.

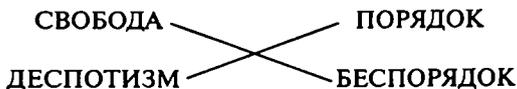
Односторонность советского дискурса поддерживала обманчивую иллюзию, что «родина социализма» идет по героическому пути, строит коммунизм, выполняет нарративную программу, которую регулярно санкционирует съезд КПСС и которая никогда не выполняется. Этот ложный объект, иллюзия, должен был увековечить руководящую роль КПСС, исключительного автора дискурса, который поочередно повелевал, учреждал субъекта, затем судил о его деятельности, находил неудовлетворительной и снова повелевал и т.д. Заслугой постсоветского плюрализма является то, что он покончил с монополией на речь, из-за которой советскому дискурсу дали название «дубовый язык». Однако этот плюрализм не покончил с односторонностью, он ее, самое главное, размножил в соответствии с различными парадигмами.

Благоприятствует ли современный плюрализм, совокупность односторонних подходов, появлению в России многосторонности, присущей открытому и терпимому демократическому обществу? Моим главным намерением было выявление одностороннего характера антиолигархического дискурса Станислава Белковского, генерального директора Совета по национальной стратегии, ставшего недавно известным благодаря докладу «Государство и олигархия», написанному для президента Путина, затем статьей «Одиночество Путина», опубликованной в «Заре», газете правых экстремистов. Этот антиолигархический дискурс был направлен прежде всего против Ходорковского, самого богатого человека в России, главы «Юкоса», арестованного 25 октября 2003 года за мошенничество и уклонение от уплаты налогов. Оказалось, что в апреле 2004 года заинтересованное лицо, объявившее о своем намерении участвовать в президентских выборах, отвечает из тюрьмы «письмом», опубликованным в ежедневной газете «Ведомости» — «Кризис либерализма в России». Вопреки видимости, речь идет не о «самокритике» по советской моде и даже не о христианском раскаянии, а о защитном слове либерализма в России, как и за ее пределами. С одной стороны, обвинительная речь русского патриота, с другой — оправдание русского либерала; в целом, мы располагаем самыми существенными документами, какие только существуют, для восстановления во всей многосторонности «семантического поля», затуманенного двусмысленным обликом президента Путина, главного критерия для западных СМИ.

Александр Николаевич Бурмейстер, заслуженный профессор Гренобльского университета им. Стендала, Франция. Специалист по истории славянских литератур, один из отцов «лингвистического поворота». E-mail: sacha.bourmeyster@wanadoo.fr

* Перевод статьи с французского языка выполнен Е.В. Аверьяновой.

Я намерен доказать односторонний характер этих выступлений, используя «семантический квадрат», построенный на основе предложений состояния (jonction), а не предложений действия (transformation):

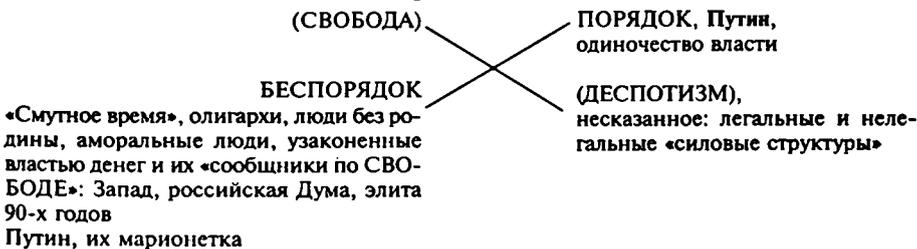

Появляется выбор:

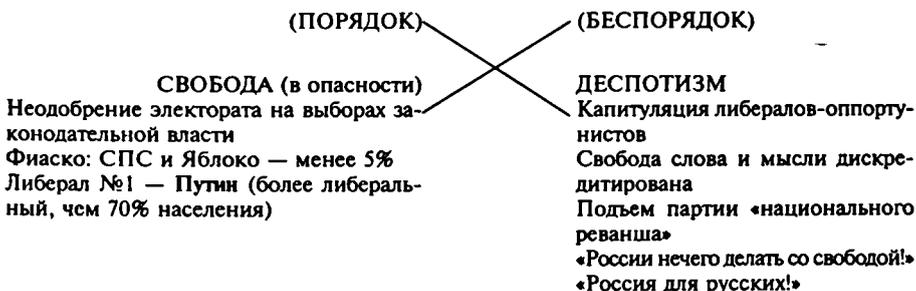
Авторитарный дискурс, противопоставляющий Порядок и Беспорядок, отождествляющий Свободу и Беспорядок и умалчивающий о Деспотизме.

Либеральный дискурс, противопоставляющий Свободу и Деспотизм, отождествляющий Порядок и Деспотизм и умалчивающий о Беспорядке.

Выбор Белковского:

Выбор Ходорковского:

Дискурс Станислава Белковского: «Одиночество Путина»

Нарративная программа февраля 2004 года «Энергетический кризис (когда-то голод), всеобщее недовольство».

Десант в Москве 50 тыс. наемников (100–200 долл.), к которым присоединились 20 тыс. молдаван, узбеков, таджиков (под угрозой высылки), на Крас-

ной площади, затем — депутатов КПРФ, СПС, Яблока и других: «Путин, в отставку!». Распространение через СМИ, находящиеся в руках элиты 90-х годов. Путин бессилен. США предлагают ему убежище в Калифорнии. Ходорковский — пленник общественного мнения, признанный международной общественностью! Стоимость операции: 100 млн. долл., годовой доход Ходорковского или Абрамовича — 1 млрд. долл. «Единая Россия» присоединяется к победителям. Потрясающая новость: Ходорковский — внук великой княжны Анастасии, следовательно, претендент на российский трон. Правда, Татарстан, Башкирия, Калмыкия, Владивосток требуют независимости. Не важно.

Чистая фикция? вспомните о воскресенье 18 августа 1991 года!

Необходимо выполнить следующий подвиг: «спасти Путина», этого одинокого патриота, который осмеливается сопротивляться олигархам и Вашингтону. К кому же обратиться?

Нарративная программа 1. Загадочный Иванов, это русское «чудовище», ошельмованное элитой 90-х годов за мнимый национализм (нужно, однако, отличать его от нацизма, уточняет С. Белковский), постучится в запретную дверь олигархов! Ивановых — легион, это исключительно подходящий собеседник, автор хочет их обласкать и, обращаясь к ним, использует сочный популистский жаргон, не имеющий ничего общего с утрированием и восходящий скорее к вульгарному языку преступного мира и полиции.

Нарративная программа 2. «Здоровые силы» России, имеющие общие ценности:

Государственная Идея, пришедшая из Византии, мудрый патернализм для укрощения русской недисциплинированной души, а не система под руководством «бизнеса», частных интересов.

Национальная Идея, общая судьба, общий враг — олигархи, США и, может быть, вскоре Китай.

Региональные элиты, отброшенные на периферию всемогущественными олигархами в Москве.

Церковь, единство страны. Ее паства — сырье для новой элиты.

Интеллигенция, самораспустившаяся, но необходимая для устранения меркантильной элиты 90-х годов.

Государственники на службе государству, священная задача, таинство.

«Оппозиция» с идеологией, политической базой для устранения постмодернизма выборных манипуляций олигархов.

Дискурс Михаила Ходорковского: «Кризис либерализма в России»

Исторический провал нарративной программы, доверенной в 90-х годах либералам, решившим обойтись без опеки государства, использовать своих лобби при слабом президенте (Ельцине) и учитывать только 10% населения. Это привело к отсутствию экономической политики, реформ, необходимых для стабилизации общества, к незнанию негативных последствий приватизаций, судьбы 90% населения, отданного во власть спекуляций (лже)экспертов, которые лгут и разоряют владельцев мелких сбережений.

«Семантический прямоугольник» с высказываниями на основе действия (transformation), где Субъект 1 —

анти-Субъект 1 —

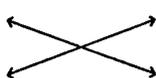
Субъект 2 —

анти-Субъект 2 —

S 1. Либерализм

Независимость по отношению к государству

S 2. Безответственность по отношению к нации

S 2. Патриотизм

Ответственность по отношению к нации

S 1. Зависимость по отношению к государству

Диасхроническая трансформация структур значения совершается благодаря диалектическому алгоритму:

1-й случай (Ложь): Задать $\overline{S 1}$, отрицать $S 1$,

Отрицать $S 2$, задать $\overline{S 2}$: последствия гибельной политики.

Рост сознательности, осознание существования связи между $\overline{S 2}$ и $S 1$.

2-й случай (Истина): Отрицать Субъект $\overline{S 1}$, задать $S 1$,

Задать $S 2$, временно отстранить $\overline{S 2}$.

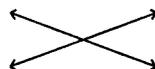
Утверждение существования отношения между $\overline{S 2}$ и $S 1$.

Такой процесс предполагает закрытие семантического прямоугольника очень условным образом и подтверждает гипотезу «самокритики» или акта раскаяния.

И однако, — восклицает Ходорковский, — либерализм в России не может умереть, так как жажда свободы неутолима! Чтобы выйти из ловушки, куда он себя загнал, он заменяет термин «либерализм» термином «бизнес».

$S 1$. Бизнес —
делать деньги, Россия — тер-
ритория свободной охоты

$\overline{S 2}$. Дестабилизирован-
ное общество

$S 2$. (Правовое государство):
легитимность президента,
легитимность приватизации
 $S 1$. Гражданское общество.
Защита работающих по най-
му, защита сбережений

В русском контексте «заниматься бизнесом» кажется престижным для 10% населения, а либерализм — сплошным враньем для 90% населения. Ходорковский различает бизнес и либерализм и выбирает свой лагерь: идеология бизнеса — делать деньги, эта деятельность может вестись независимо от какого-либо либерального контекста. Американцы доказали это, отдавая предпочтение деловым отношениям с деспотическими и коррумпированными режимами. В этом смысле существование гражданского общества является скорее препятствием, нежели преимуществом для «свободной охоты на российской земле». Ходорковский понял слишком поздно, что Россия не может обойтись без гражданских учреждений, являющихся основой гражданского общества, только это общество способно воспитывать и сохранять новые либеральные элиты, в том числе бизнесменов.

Также как либерализм не может быть отождествлен с бизнесом, государство не отождествляется с бюрократией. Чтобы государство уважали, оно должно быть признано гражданами легитимным. Употребляя термин «легитимность», Ходорковский использует неологизм. Я уже отмечал во время перестройки, когда возникал вопрос о легитимности коммунистического строя, что русский язык, как, впрочем, и немецкий, располагает лишь одним термином для перевода таких различных понятий, как *légalité* и *légitimité*: «законность», образованным от слова «закон». Словарь Ожегова приводит в качестве примера «революционную законность». А что общего между «законностью террора» и «легитимностью демократии»? Тем не менее французско-русский словарь Гака и Триомфа в издании «Globe» 1991 года использует только «законность» для перевода «la légitimité du pouvoir établi»¹ и «la légalité d'un acte»².

Легитимность, на которой настаивает Ходорковский, касается, с одной стороны, функции президента Российской Федерации; нравится это кому-либо или нет, но Владимир Путин является прежде всего учреждением, гарантирующим целостность и стабильность страны, а, с другой стороны, политика приватизации, осуществленная под эгидой либералов и осужденная Белковским, — «законным» актом (un acte «légal»), но «необоснованным» («illégitime»). Его

¹ «законность существующей власти» (фр.).

² «законность действия» (фр.).

легитимность будет признана лишь тогда, когда «большой бизнес» согласится разделить доходы от него с народом посредством налогов, посредством благотворительности (милосердия). Пусть олигархи возьмут сами на себя инициативу изменений, не дожидаясь, пока другие сделают это силой, при помощи терроризма. Этому была посвящена речь молодого Александра II, обращенная к землевладельцам накануне отмены крепостного права в 1861 году: «Лучше реформировать крепостное право сверху, нежели пережить восстание крестьянских масс».

Из этого вытекает «либеральное» прочтение письма Ходорковского: отрицать S_1 , задать $\overline{S}_1$, задать Субъект 2, отстранить $\overline{S}_2$.

Признание существования отношения $\overline{S}_2 + S_1$.

Чтобы преобразовать страну, нужно начать с себя самого; Ходорковский, первый из олигархов, самый богатый человек России, подписывает свой очерк: «частное лицо, гражданин Российской Федерации». Субъект-оператор³ (самоустановившийся), *олигархический либерал* потерпел неудачу в своей исторической миссии из-за некомпетентности: он поставил себе задачей делать деньги без опеки почти несуществующего государства. Он обладал *властью*, но не *знанием*. Отныне он перешел в состояние *либерального гражданина*, миссией которого является построение гражданского общества. Благодаря прошлому опыту он обладает *знанием*, но потерял *власть*. Не избавит ли его «неолиберализм» от указаний Отправителя, не принадлежащего к трансцендентному универсуму, иначе говоря — политической Власти? Маловероятно: «История страны диктует: плохая власть лучше, чем никакая. Более того, пришло время осознать, что для развития гражданского общества не просто нужен — необходим импульс со стороны власти». Таков был дискурс российского общества, европеизированного просвещенным деспотом Петром Великим и его последователями, шизофренического общества, раздираемого между *долгом* и *своеволием*.

Какое будущее может ждать гражданские проекты Ходорковского? Нужно различать автора и его дискурс. Для Станислава Белковского, который тотчасотреагировал на его «исповедь» в той же ежедневной газете «Ведомости», заключенный олигарх — всего лишь «has been», но он просит у него прощения за то, что недооценил его патриотизм. Поддержав этим «поцелуем Иуды» гипотезу раскаяния, Белковский забивает гол в свою пользу и отмечает решающий пункт: «Кризис русского либерализма», пусть и с некоторой натяжкой, можно назвать манифестом новой российской элиты. Национально ориентированной, призванной к сотрудничеству с собственным народом, к возрождению ценностей государства. Той самой элиты, которая остро необходима Путину, если он желает, чтобы его власть была стабильной». Никакого намека на гражданское общество в этих похвалах, в этой «государственной» интерпретации «подвига», совершенного Ходорковским.

Напротив, во время церемонии вступления в должность президента 7 мая 2004 года, возвеличивая тысячелетнюю историю России и напоминая, что глава государства должен отвечать за все, Путин подчеркивает, что будущее России не может зависеть только от одного человека, необходима мощная поддержка: зрелое гражданское общество, свободные люди в свободном обществе — вот основа экономического роста и политической стабильности России.

Примирение между СВОБОДОЙ и ПОРЯДКОМ, с одной стороны, между свободными людьми в свободном обществе, зрелом гражданском обществе, и ответственным главой государства — с другой стороны — это дискурсивное достижение Путина больше походит на лоскутный коврик, чем на многосто-

³ Субъект, производящий конъюнкцию/дизъюнкцию субъекта состояния с ценностным объектом.

роннее мировоззрение. Поскольку параллельно с этой правительственной программой множатся знаки возвращения к «советской ментальности»: первенство военных, шпиономания, контроль над СМИ, контроль общественного пространства, контроль за экономикой. «Олигархи-патриоты» — вот профиль субъекта-оператора, который вырисовывается в нарративной программе второго срока правления Владимира Путина. Идет процесс переориентации, но этот объект исследования еще не поддается семиолингвистическому анализу.

Summary

A new antioligarchical discourse by the example of public speeches of the President of Russian Federation Vladimir Putin and its administration is estimated in the article of Professor Bourmeyster.